

ГАЛИНА
Колоскова

ИЗМЕНА
Контакт ТВОЕЙ
ДУШИ

Галина Колоскова

Ищмена. Контакт твоей души

<https://litres.ru/74408829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он видит меня. На секунду замирает. В его глазах мелькает что-то быстрое, неуловимое. Я не успеваю понять, что это. Удивление? Страх?

Нет. Это досада.

Досада, что я вернулась не вовремя. Завтра утром меня ждал бы другой сюрприз, не настолько шокирующий.

Я стою в бордовом кружеве, в туфлях, с распущенными волосами, и чувствую себя идиоткой на чужом празднике жизни. В декорациях, которые сама создавала десять лет.

— Олег, — голос запрограммированного на вежливость робота. — Что здесь происходит?

Муж молчит. Смотрит на меня, потом на Алину, потом снова на меня. Его челюсть напряжена. Желваки ходят под кожей.

— Полина, — начинает он, — Это не то, что ты думаешь...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Колоскова

Ищмена. Контакт твоей души

Пролог

Санкт-Петербург. Выставочный центр. Я получаю премию «Лучшеебытии-пространство России».

Вручает награду известный итальянский дизайнер, чьи работы украшают обложки всех глянцевого журналов. Он улыбается мне, целует воздух у щеки, говорит что-то про русскую красоту и женскую энергию. Я киваю, благодарю, держу спину так ровно, будто у меня вместо позвоночника стальной стержень.

В зале — тысяча человек. Среди них партнёры, подруги, конкуренты, которые делают вид, что рады за меня, хотя на самом деле спят и видят, как переманить моих клиентов. Я знаю этот взгляд. Сама так смотрела на победительниц, когда только начинала.

Выхожу на сцену в платье от кутюр. Волосы собраны в идеальный пучок, ни одного выбившегося локона. Макияж безупречный: смоки-айс, который делает мои зелёные глаза глубже, чем они есть на самом деле. Туфли на шпильке, в

которых я могу стоять часами, потому что за десять лет научилась не чувствовать боли.

Я говорю речь о том, как важно женщине быть красивой не только снаружи, но и внутри.

— Настоящая красота — это уверенность, — произношу я в микрофон. — Это умение смотреть на мир открытым взглядом и знать, что ты достойна самого лучшего.

Про себя усмехаюсь. Я знаю, что внешняя красота продается намного дороже. Продаю её каждый день в своих салонах, и мои клиентки платят не за уверенность, а за возможность выглядеть так, будто у них эта уверенность есть. Но сегодня не об этом. Сегодня я — лицо успеха, и я обязана говорить правильные слова.

В финале речи благодарю мужа.

— Олег Бердяев, — говорю я, глядя прямо в камеру, потому что знаю: эту трансляцию увидят тысячи, — мой главный вдохновитель. Человек, который верит в меня даже тогда, когда я сама в себя не верю. Спасибо, что ты у меня есть.

Олег сегодня не со мной. Дела. Срочные переговоры, как он сказал, когда провожал меня в аэропорт. Я не обижаюсь. Привыкла, что у нас обоих плотные графики, и мы видимся чаще на корпоративах, чем дома. Это нормально для пары, которая строит империю. Мы оба это понимаем.

Спускаюсь со сцены, меня тут же окружают. Поздравления, комплименты, вопросы. Кто-то хочет сотрудничать, кто-то — просто сделать селфи на фоне победительницы. Я

улыбаюсь каждой, запоминаю имена, обещаю перезвонить. Это тоже работа.

Соня, моя университетская подруга, пробивается сквозь толпу с бокалом шампанского в руке.

— Полина, это не обсуждается, — начинает говорить, не здороваясь. — Ты остаёшься на два дня. У меня юбилей, и если ты не приедешь, я обижусь на всю оставшуюся жизнь.

Я смеюсь. Соня умеет быть убедительной. Мы дружим пятнадцать лет, и за это время она ни разу не позволила мне сказать «нет».

— У меня дела в Москве, — пробую возразить, но уже понимаю, что спор проигран.

— Дела подождут. Олег подождёт. Я — нет! — Она подхватывает меня под руку и ведёт к выходу. — Мы не виделись сто лет. Я соскучилась. И вообще, мне нужно с тобой посоветоваться.

— О чём?

— О мужчинах, о ком же ещё. Ты у нас эксперт.

Я снова смеюсь. Эксперт в мужчинах... Если бы Соня знала, как мало я в них понимаю. В Олеге я уверена на сто процентов, вижу его насквозь. Десять лет брака. Что там может быть непонятного?

Соглашаюсь остаться.

Банкет идёт полным ходом, когда звонит Олег. Выхожу в холл, чтобы не кричать в толпе.

— Ну что, победительница, — слышу тёплый, чуть хрип-

ловатый голос, от которого до сих пор мурашки по коже, — когда ждать?

— Милый, я вынуждена задержаться, — говорю, опираясь плечом о мраморную колонну. — Соня устраивает юбилей, просит остаться. Прилечу с утра в понедельник.

Он молчит несколько секунд. Слышу его дыхание, представляю, как он сидит в кабинете, вальяжно откинувшись на спинку кресла и крутит в пальцах ручку.

— Жаль. Я готовил сюрприз.

— Какой?

— Если скажу, это перестанет быть сюрпризом.

Я улыбаюсь. Олег любит игры. Всегда что-то придумывает, организовывает, удивляет. В прошлом году это был уикенд в Париже. В позапрошлом — редкий винтажный автомобиль, о котором я обмолвилась в разговоре с подругой. Он запоминает всё. Он слышит меня.

— Тогда жду сюрприз в понедельник.

— Договорились... — В его голосе слышна улыбка. — Я тебя встречу.

— Олег, — зову, прежде чем он успевает попрощаться.

— Да?

— Я люблю тебя.

— Я тоже. Очень.

Возвращаюсь в зал с твёрдой уверенностью, что всё в моём мире правильно. Я победила. У меня есть любящий муж. Есть подруга, которая ждёт. Есть бизнес, который растёт.

Стою в центре зала, в платье от кутюр, под светом софитов, и чувствую себя самой счастливой женщиной на свете.

Через час всё меняется.

Соня идёт впереди меня по мраморной лестнице. Мы обсуждаем детали её юбилея, она машет руками, показывает, где поставить столы, и не смотрит под ноги.

Я слышу этот звук. Сначала скольжение, протягиваю руку, но поздно. Глухой удар, потом крик.

— Соня!

Она лежит внизу, неестественно вывернув ногу. Лицо белое, глаза закрыты. Я бегу к ней, роняя клатч, спотыкаясь на каблуках.

— Не двигайся, — говорю, опускаясь рядом. — Я вызываю скорую.

— Больно, — шепчет она. Слёзы текут по её щекам, смывая идеальный макияж.

Я держу её за руку, пока приезжают врачи. Пока её грузят в машину. Мы едем в клинику. Рентген показывает перелом со смещением.

— Месяц минимум, — сообщает врач, глядя на снимки. — А то и два. Операция завтра утром.

Соня смотрит на меня из-под капельницы, бледная, потерянная.

— Юбилей отменяется, — шепчет она.

Глажу её по волосам, успокаиваю, обещаю, что мы всё придумаем. Но внутри меня уже поселяется тревога. Не по-

тому, что юбилей. А потому, что я чувствую: что-то пошло не так. Что-то сдвинулось в плохую сторону.

Я остаюсь с ней. Она засыпает под успокоительным, а я сижу, смотрю на капельницу и думаю, как хрупка жизнь. Одна секунда может всё изменить.

Через пару часов появляется её муж, Игорь. Высокий, зашпанный, с кругами под глазами.

— Полина, ты лети, — говорит он, целуя жену в лоб. — Я здесь побуду.

— Билетов нет, — отвечаю, разводя руками. — Ловила всю ночь. Свободные только на дневной рейс.

Соня открывает глаза, смотрит на меня мутным взглядом.

— Василий, — говорит она слабым голосом.

— Что?

— У Василия самолёт. Он был на твоей премии. Летит сегодня утром. Возьмёт тебя.

— Я не полечу с незнакомцем.

— Полина, — Соня берёт меня за руку, — он нормальный человек. Игорь с ним работает. Он позвонит, и Василий обязательно согласится.

Я хочу отказаться. Хочу сказать, что лучше «Сапсаном», даже если меня укачивает. Но Игорь уже набирает номер, говорит с кем-то, кивает.

— Всё, — он сбрасывает вызов. — Вылет в четыре утра. Его водитель тебя заберёт.

Я выдыхаю. Четыре утра. Успею вернуться в Москву к

завтраку. Сделаю Олегу сюрприз.

Звоню ему, чтобы предупредить. Телефон отключён.

— Наверное, на деловой встрече, — говорю вслух, глядя на экран. — Или решил спокойно выспаться.

Решаю не мешать. Сюрприз так сюрприз.

В три часа ночи я стою у выхода из клиники. Соня спит, Игорь рядом с ней. Выхожу на улицу. Питерский ветер бьёт в лицо, ледяной, влажный, пробирающий до костей. Кутаюсь в пальто, поправляю волосы, выбившиеся из идеального пучка.

Чёрный внедорожник останавливается у тротуара. Пассажир на заднем сидении открывает дверь, смотрит на меня так, будто видит насквозь.

— Полина Бердяева, — в его голосе слышу то, от чего внутри всё сжимается. — Садись. Я тебя ждал.

Предчувствие давит на сердце. Не пойму, от чего хочет предостеречь меня судьба.

Глава 1

Хозяин самолёта кажется странно знакомым.

Сажу в кожаном кресле, пристёгнутая ремнём, и рассматриваю его профиль. Освещение салона приглушённое, мягкое, как в дорогом ресторане. Он переговаривается с пилотом, голос тихий, уверенный. Жесты скупые, точные. Человек, привыкший отдавать приказы, даже когда отдыхает.

Верчу головой, разглядывая интерьер: бежевая кожа, полированное дерево, маленький столик с чашкой кофе, которую он мне предложил, но я отказалась. Всё дорогое, но без пафоса. Вкус есть.

— Удобно? — спрашивает он, обернувшись.

— Вполне.

Отвечаю сухо, потому что не хочу разговора. Не до него. В голове — Соня в гипсе, её бледное лицо, виноватый взгляд Игоря, который не уследил. В голове — Олег, который ждёт меня дома. Или не ждёт? Я ему не сказала, что вылетаю раньше. Сюрприз, чёрт возьми.

Василий кивает и снова отворачивается к иллюминатору.

А я пялюсь в его затылок и пытаюсь вспомнить, где видела его раньше. Не на бизнес-встречах — такие лица не забывают. Не на светских мероприятиях — я бы запомнила фамилию. Гордеев... Где-то я её слышала. Что-то давнее, почти стёртое, как старая фотография, которую вытащили из

пыльного альбома.

Школа? Нет. Он старше меня. Детство? Возможно.

Петербургский ветер остался там, на взлётной полосе. Здесь, в небе, тихо и спокойно. Смотрю на огни города внизу, на чёрную ленту Невы, на россыпь жёлтых точек, которые кажутся игрушечными. В голове прокручиваю сцену прощания. Соня в гипсе, бледная, но уже улыбающаяся. Игорь, который клялся, что присмотрит. И он, Василий, открывший дверь внедорожника и сказавший: «Садись. Я тебя ждал».

Что значит «ждал»? Ждал меня? Или ждал, когда Соня позвонит? Мысль неприятная. Решаю не думать об этом. Слишком много мыслей, слишком мало сна.

Делаю вид, что уснула.

Закрываю глаза, откидываю голову на спинку кресла, замедляю дыхание. Через минуту слышу, как он тихо пересаживается на диван напротив. Шорох ткани, лёгкий скрип кожи. Он не включает свет, не шуршит журналами. Сидит в темноте и смотрит на меня.

Чувствую его взгляд. Тяжёлый, изучающий. Словно он разглядывает картину, которую никак не может понять. Или вспоминает что-то, что никак не выходит из головы.

Держу глаза закрытыми, считаю про себя, чтобы дыхание оставалось ровным. Возмущаться бесполезно. Невозможно сказать хозяину частного самолёта на высоте шесть тысяч метров: «Мне это не нравится! Откройте дверь, я выйду!»

Он молчит всю дорогу.

Когда самолёт идёт на посадку, я «просыпаюсь». Потягиваюсь, тру глаза, смотрю на часы. Шесть утра. Москва встречает нас серым рассветом, низкими облаками и мелким дождём, барабанившим по обшивке.

— Спасибо, — говорю, когда мы выходим из самолёта.

— Не за что, — отвечает он сухо.

Стоим под навесом, ждём, когда подадут машину. Я смотрю на него — высокий, широкоплечий, тёмные волосы с проседью. В том возрасте, когда самцы только начинают быть интересными. Не мальчики, бегающие за каждой юбкой. Мужчины, точно знающие, чего хотят.

— Я мог бы подвезти, — он глядит на дождь, бьющий каплями по бетонке.

— Не нужно. Я возьму такси.

Он кивает. Не настаивает. Не предлагает дважды. Это мне нравится.

Я прощаюсь и иду к выходу из аэропорта. Он не окликает меня. Я не оборачиваюсь.

В такси достаю из сумки новое бельё. Бордовый шёлк, кружево, тонкие бретельки. Выбирала его в маленьком бутике, куда привела Соня. Продавщица сказала, что это цвет безумной страсти. Я рассмеялась. Страсть без ума — для молоденьких девочек, пишущих в «Инстаграм» цитаты про любовь. У нас с Олегом всё ровно, спокойно, надёжно. Но подкинуть дровишек в семейный очаг никогда не помешает.

— Что-то заскучали мы в последнее время, — бормочу

под нос, разглядывая кружево. Произношу с придыханием: — Сейчас я тебя развеселю, дорогой.

Таксист косится в зеркало. Не часто увидишь пошлую леди из частного самолёта. Борюсь с подступающим смехом. Прячу бельё обратно в сумку.

Машина останавливается у ворот. Расплачиваюсь, выхожу, смотрю на наш дом. Двухэтажный, с панорамными окнами, с идеально подстриженным газоном, с клумбами цветов, кустарниками, выбранными мною в питомнике. Всё на месте. Всё, как всегда.

Открываю дверь своим ключом. В холле тихо. Никто не встречает. Снимаю туфли иду босиком по холодному мрамору. Лестница не скрипит под ногами. Поднимаюсь медленно, чтобы не шуметь.

В гардеробной встаю перед зеркалом.

Платье падает на пол блестящим облаком. Расстёгиваю бюстгальтер, снимаю колготки. Надеваю новое бельё. Бордовый шёлк облегает тело, кружево ложится на кожу невесомой сеткой. Надеваю туфли на высоком каблуке.

Смотрю на собственное отражение и не могу не признать: я красивая женщина.

Рыжие волосы вьются крупными локонами, спадают на плечи, на спину. Я распустила их ещё в такси, представляя, как буду соблазнять мужа. Высокая грудь, тонкая талия, длинные ноги. Ни одного лишнего грамма или сантиметра, которые хочется спрятать.

Поправляю воображаемую корону. Как можно не хотеть такую красотку? Сама себя зацеловала бы.

— Но это сделает Олег, — шепчу, сдерживая смех.

Предвкушение горячит кровь. Внизу живота сладкое томление. Крадусь по коридору с замиранием сердца. Представляю, что сейчас произойдёт. Олег обернётся на мой голос и застынет от восхищения. Представляю его жадный взгляд, улыбку, руки, протянутые ко мне. Я знаю его реакции, изучала их десять лет.

Придумываю на ходу движения стриптиза. Каждый шаг — как в замедленной съёмке. Каждый вздох — как перед прыжком в океан удовольствия.

Дверь в спальню приоткрыта. Толкаю её ладонью, захожу, покачивая бёдрами, на губах — игривая улыбка, в томных глазах — обещание.

И замираю...

Глава 2

В моей постели лежит девушка.

На ней моя пижама. Небесно-голубой шёлк, купленный мной во Франции, который я надевала всего раз. Теперь он облегает чужое тело. Девушка листает что-то в смартфоне и улыбается в экран. У неё накачанные губы, идеальные зубы, светлые волосы разметались по моей подушке.

Я узнаю её. В прошлом месяце она приходила ко мне на курсы «Идеальное селфи». Сидела в первом ряду, задавала глупые вопросы, записывала каждое моё слово. Я дала ей несколько советов, похвалила за старание. Она смотрела на меня с таким восхищением, словно я богиня, спустившаяся с Олимпа.

Теперь мерзавка лежит в моей постели. На моих простынях. И смотрит на меня так, будто она здесь хозяйка.

Не торопится. Не пугается. В её взгляде — ленивое любопытство. Она оценивает, сравнивает, делает выводы. И выводы, судя по её усмешке, не в мою пользу.

— Ой, — говорит приторным голосом. — Вы, наверное, Полина? Олег так много о вас рассказывал.

Я смотрю на неё. Сердце падает вниз, в пустоту. Так больно, что не могу дышать. В ушах шум. Часть меня, десять лет верившая, что наша семейная жизнь — идеальный глянцевый снимок, рассыпается в прах за одну секунду. Шок нена-

долго лишает дара речи.

Открываю рот, чтобы что-то сказать, но из души выходит Олег.

Мокрый, расслабленный, полотенце на бёдрах. Капли воды стекают по мускулистой груди, по плечам, животу. Он видит меня. На секунду замирает. В его глазах мелькает что-то быстрое, неуловимое. Я не успеваю понять, что это. Удивление? Страх?

Нет. Это досада.

Досада, что я вернулась не вовремя. Завтра утром меня ждал бы другой сюрприз, не настолько шокирующий.

Я стою в бордовом кружеве, в туфлях, с распущенными волосами, и чувствую себя идиоткой на чужом празднике жизни. В декорациях, которые сама создавала десять лет.

— Олег, — голос запрограммированного на вежливость робота. — Что здесь происходит?

Он молчит. Смотрит на меня, потом на Алину, потом снова на меня. Его челюсть напряжена. Желваки ходят под кожей.

— Полина, — начинает он, но не продолжает.

Алина не торопится встать. Садится, поправляет пижаму. Движения медленные, уверенные. Она наслаждается. Знает, что я — женщина, умеющая держать лицо. Не опущусь до драк, улыбнусь и уйду красиво. Я обучала этому на своих курсах.

Слышу щелчок.

Она фотографирует меня полуголую, в кружевном белье, с лицом, на котором написано всё, что пытаюсь скрыть.

— Алина, — голос Олега становится жёстким. — Убери телефон.

— Это для любителей эксклюзива.

Она торжествует. Ещё бы, двадцатилетняя фотомодель с накаченными губами, уложила меня, Полину Бердяеву, на лопатки.

— Интересно... — продолжает она, разглядывая снимок. — Как думаете, сколько лайков соберёт фото жены Олега Бердяева в кружевном белье? Подписчики оценят. Они видели вас на курсах: неприступную, идеальную. А на самом деле...

Она не договаривает. Не нужно. Я и так знаю, что она хочет сказать. На самом деле я такая же, как все. Мне тоже изменяют. Меня тоже можно унижить. Мою постель можно занять.

Я смотрю на её наглое лицо, на её идеальные зубы, на её молодость, которую она считает своим главным козырем. Она ещё не знает, что молодость — это не оружие. Оружие — это опыт. А у меня его больше, чем у неё за всю её короткую жизнь. Меня накрывает волной спокойствия. Я вдруг понимаю, что сейчас не время кричать, не время плакать, не время бросаться на неё с кулаками. Сейчас время думать.

Скидываю туфли. Делаю шаг назад. Потом ещё один.

— Полина, подожди, — Олег двигается в мою сторону, но

я выставляю перед собой руку.

— Не подходи.

Он замирает.

Я смотрю на его голливудскую улыбку, на идеальные зубы, на тело, расслабленное после ночи с другой женщиной. На мужчину, с которым прожила десять лет. Которого считала своей опорой, надёжной стеной, безоблачным будущим.

— Ты знаешь, что у меня есть брачный договор, — произношу, глядя ему в глаза. Голос не дрожит. Потому что я не позволю себе дрожать. Не перед ними.

Он молчит. В его глазах мелькает что-то, чего я не могу прочитать.

— Я выиграю, — продолжаю уверенно. — Я всегда выигрываю. — Перевожу взгляд на мерзавку: — У тебя будут отличные шансы наблюдать за моей победой из первого ряда. Как на курсах. Только теперь я буду учить не селфи, а тому, как теряют всё. Мужчину, деньги, репутацию. За один месяц. Бесплатно. По дружбе.

Разворачиваюсь и выхожу. Не бегу. Иду медленно, сохраняя достоинство. Каждый шаг — как по лезвию. Спина прямая, плечи расправлены. Я — Полина Бердяева! Я не сломаюсь перед малолетней шлюхой, решившей, что она может занять моё место!

В коридоре слышу, как Алина смеётся. Смех звонкий, молодой, наглый. Олег что-то говорит ей, но я не разбираю слов. И не хочу.

В гардеробной натягиваю джинсы, свитер. Запихиваю в сумку документы, телефон, зарядку. Смотрю на себя в зеркало. Лицо белое, глаза горят. Я похожа на себя. На девушку, приехавшую в Москву с двумя чемоданами почти без денег. На ту, которая строит, а не разрушает. На ту, которая выигрывает.

— Ну что, Полина... — говорю своему отражению. — Догралась? Хотела сюрприз? Получи. Наслаждайся...

Выхожу из дома. Дождь моросит мелкий, противный. Капли попадают на лицо, смешиваются с тем, что я не позволяю себе выплакать. Сажусь в такси, называю адрес офиса.

Смотрю в окно на удаляющийся дом. На клумбы, которые я сажала. На газон, который я выбирала. На жизнь, которую я строила десять лет. Всё это теперь — чужие декорации. Чужая сцена, на которой играют другие актёры.

Достаю телефон. Набираю номер адвоката. Не берёт — рано. Пишу сообщение: «Аркадий Борисович, мне срочно нужна встреча. Дело о разводе».

Отправляю. Смотрю на экран. В голове прокручиваю пункты брачного договора, которые помню наизусть. Неверность, раздел имущества, три клиники Олега, мои салоны — вне раздела. Я выиграю. Я уверена.

Я набираю номер пиар-менеджера. Вика отвечает после второго гудка, голос сонный, но профессионально бодрый.

— Полина Сергеевна, что случилось?

— Вика, готовьте кейс. Мы начинаем курс для начинаю-

щих любовниц. Название: «Как украсть мужа и остаться у разбитого корыта».

Молчание.

— Полина Сергеевна...

— Олег будет моим наглядным пособием. Назначьте мне встречу с его новым инвестором. Сегодня же.

— Хорошо, — Вика понимает, что мой звонок не каприз.

— А вы как?

— Я в порядке.

Сбрасываю вызов. Сажу в такси, еду по мокрой Москве, и чувствую только одно: голод. Не физический. Другой. Желание уничтожить.

Телефон пиликает. Сообщение от Алины. Снимок в спальне, где на моём лице — выражение спокойствия. На самом деле это шок. Я смотрю на себя и вижу женщину, у которой только что разбилась жизнь, но она уже собирает осколки.

Под фото подпись: «Классное бельё. Где покупали?»

В душе поднимается холодная, бешеная ярость. Я загоняю её внутрь, в самый дальний угол. Она пригодится. Не сейчас. Скоро.

Набираю ответ:

«Милан. Бутик на ВиаМонтенаполеоне. Только тебе оно не по карману. У Олега скоро не будет денег даже на такси».

Отправляю. Блокирую номер и прошу водителя:

— Быстрее, пожалуйста.

Дождь за окном становится сильнее. Машина набирает скорость. Прислоняюсь лбом к холодному стеклу. Смотрю на капли, стекающие по стеклу, и думаю о том, что сегодня утром я была уверена: моя жизнь — это идеальный глянцевый снимок. Теперь знаю: это фото для жёлтой прессы. Без права на правду.

Такси выезжает на Тверскую. Дождь барабанит по крыше, по стёклам, по моей разбитой душе. Смотрю на мокрые улицы Москвы. Город просыпается, зажигает огни, запускает машины. А я — часть этого города. Я заслужила право быть здесь. Своё имя, свою жизнь я не отдам никому! Никогда!..

Только почему же так больно?

Глава 3

Забираю свою машину у офиса и возвращаюсь на ней домой. Прогулка по городу дала время собрать разбитые куски души в единое целое. Я готова к разговору по-взрослому. Больше сбегать не стану.

Сажу в машине перед домом и смотрю на окна спальни. Свет горит. Они там. В моей постели, на моих простынях, в моём доме. Сжимаю руль, смотрю на пальцы — белые костяшки, ногти впиваются в кожу. Не больно. Я давно научилась не чувствовать боли, когда это необходимо.

Выхожу из машины. Дождь закончился, но асфальт блестит, отражает серое утро. Я поднимаюсь по ступеням, открываю дверь своим ключом. В доме по-прежнему тихо. Не пахнет едой. Никто не спешит на работу. Голубчики до сих пор в спальне.

Идеальная пара... Ха!

Я поднимаюсь наверх. Не крадусь, иду прямо, громко, чтобы слышали. С пинка открываю дверь спальни. Они уже одеты. Олег застёгивает запонки, Алина сидит на краю кровати, листает что-то в смартфоне. Увидев меня, она улыбается накачанными губами. Улыбка получается кукольной, ненастоящей.

— Ещё не уехали? — интересуюсь, вскинув бровь.

Олег поворачивается. В его глазах всё та же досада, но

теперь к ней примешивается раздражение. Ему не нравится, что я вернулась. Ему не нравится, что я стою здесь, в дверях собственной спальни, и смотрю на них.

— Полина, давай поговорим спокойно, — предлагает, сделав шаг в мою сторону.

— Спокойно? — я усмехаюсь. — Олег, я спокойна как удав. Ты видел меня когда-нибудь истеричной?

Он молчит. Потому что знает: не видел. Я не та женщина, которая бьёт посуду и рыдает в подушку. Я та, которая улыбается, когда внутри всё горит. Я та, которая ждёт, выверяет, собирает информацию, рассчитывает и потом наносит удар в самое больное место. Я идеальный враг.

— Хочу, чтобы вы оба ушли из дома, — заявляю, брезгливо выгнув губу. — Прямо сейчас.

Алина поднимает голову, глядит на меня с любопытством. Ей интересно. Она словно смотрит сериал, в котором у неё главная роль.

— Олеженька, скажи ей на прощание всё, что думаешь. Ты говорил, что она занята только своим бизнесом. Что ей плевать на тебя. Что ты устал быть вторым номером. Что тебе нужна женщина, а не партнёр по бизнесу.

Она смотрит на меня, и в её глазах — лёд. Она добивает. Она хочет, чтобы я сломалась. Чтобы я заплакала, закричала, дала ей этот спектакль.

— Он говорил, что ты холодная, — продолжает она. — Что у тебя вечно дела, встречи, салоны. Что ты забыла, как

это — быть женщиной. А я напостила. Он снова улыбаётся. Он снова счастлив. Спасибо, что не мешали. Вы и ваш дом нам больше не нужны.

Я смотрю на Олега. Он не оправдывается. Не защищает. Не говорит, что она врёт. Он молчит. Потому что она не врёт. Он действительно так думает. Все эти годы он думал, что я холодная, что мне плевать, что я забыла, как быть женщиной. А я работала!.. Строила наш бизнес. Создавала нашу жизнь. И в благодарность получила это.

— Полина, — я снова слышу этот приторный голос. — Вы не волнуйтесь, я всё понимаю и сейчас уйду.

Она встаёт, поправляет платье, берёт с кровати свою сумочку. Маленькую, розовую, из тех, в которые помещается только телефон и помада. Детская игрушка.

— Алина, не надо, — Олег делает шаг к ней, но я поднимаю руку.

— Нет, пусть идёт. Мне нужно поговорить с тобой. Наедине.

Он смотрит на меня, и я вижу, как он колеблется. Ему не хочется оставаться. Знает, что я не буду играть по его правилам.

Алина останавливается в шаге от меня. От неё пахнет моими духами. Моими! Теми, что стоят на туалетном столике. Сжимаю зубы.

— Полина Сергеевна, — в её голосе фальшивое сочувствие. — Вы такая красивая. У вас всё будет хорошо. Вы ещё

встретите своего мужчину.

Она меня жалеет? Говорит об Олеге, как о решённом? Считает, что он станет её мужем? Вот теперь я готова смеяться в голос. Смотрю на неё и понимаю, что глупая кукла сейчас не играет. Она действительно так думает. «Заботушка» искренне верит, что делает мне одолжение. Что освобождает место для кого-то лучшего. Помогу поскорее его освободить:

— Алина, — и мой голос в ответ становится мягким, почти ласковым, — ты знаешь, что такое кража драгоценностей?

Она хлопает ресницами.

— Что?..

— Статья 158 Уголовного кодекса. От двух до шести лет. Зависит от суммы.

Она смотрит на меня, не понимая.

— Я была в командировке два дня, — продолжаю с улыбкой. — В доме никого из посторонних, кроме тебя не было. А теперь здесь полно твоих отпечатков. Следы ДНК. Волосы. Биоматериал, который остался на постельном белье. Ты понимаешь, о чём я?

Её лицо меняется. Кукольная улыбка исчезает. Она обращивается на Олега, ищет защиты.

— Олег... — капризно произносит она. — Она что, серьёзно?

Олег смотрит на меня. В его глазах — злость. Он понима-

ет, что я не шучу.

— Полина, прекрати нас запугивать! — говорит он.

— Прекращу, когда вы оба исчезните из моего дома.

Я делаю шаг в сторону, освобождая проход. Алина стоит, не двигается. Она ждёт, что Олег её защитит. Но Олег молчит. Он прекрасно знает меня. Знает, что я не бросаю слов на ветер.

— Алина, иди в машину! — наконец решает он. — Я сейчас спущусь.

Она смотрит на него, на меня, снова на него. Потом быстро идёт к двери, обдав меня облаком моих духов. Слышу, как стучат её каблуки по лестнице, как хлопает входная дверь. Тишина.

Мы остаёмся вдвоём.

Олег садится в кресло у окна, закидывает ногу на ногу. Пытается выглядеть расслабленным, но я вижу, как напряжены его плечи.

— Ну, — произносит с деланной уверенностью. — Что дальше?

— Дальше мы разводимся.

Он усмехается. Усмешка кривая, нервная.

— Ты уверена? Из-за какой-то интрижки готова разрушить то, что десять лет создавали вместе?

— Абсолютно.

Подхожу к своему туалетному столику, открываю ящик. Достаю ключи от сейфа. Олег следит за моими движениями,

и я чувствую, как он напрягается.

— Что ты делаешь?

— Забираю свои документы.

Открываю сейф. Внутри — папки, конверты, шкатулка с украшениями. Я перебираю их, ищу брачный договор, который мы подписывали десять лет назад. Олег тогда сам предложил, потому что, цитирую: «Хочу, чтобы ты знала: я с тобой не из-за денег. Я из-за любви».

Перебираю папки раз, второй, третий.

Документа нет.

Глава 4

Перетряхиваю всё содержимое. Паспорт, свидетельство о браке, документы на салоны, на машины, на квартиру. Но договора нет.

Поворачиваюсь к Олегу. На властном лице — улыбка. Спокойная, уверенная. Улыбка человека, который знает, что выиграл.

— Что ты ищешь? — спрашивает с усмешкой.

Сверлю его взглядом:

— Где он? Где договор?

— Какой договор, Полина? Тот, где ты всё себе забираешь?

Он встаёт, подходит к столу, открывает верхний ящик. Достает папку, бросает её на кровать. Я смотрю на обложку. Наша фамилия. Дата.

Открываю. Листаю страницы. Глаза пробегают по тексту, цепляясь за каждое слово. Пункта о неверности нет. Он исчез. Вместо него — общая формулировка о «разделе имущества по соглашению сторон». Три из четырёх стоматологических клиник Олега выведены из договора. Их больше нет в разделе. Зато — все четыре мои салона, которые открывала с нуля, раскручивала, вытаскивала из долгов, сделала лучшими в городе — теперь в совместном владении.

Закрываю папку. Смотрю на Олега.

— Это подделка, не тот договор.

Он усмехается.

— У тебя есть доказательства? Твой экземпляр, например?

Молчание.

Я чувствую, как внутри меня что-то осыпается. Не ломается, нет. Осыпается, как старая штукатурка, за которой десятилетиями скрывалась пустота.

— Где мой экземпляр? — цежу сквозь зубы.

— Ты его потеряла, наверное... — Он пожимает плечами.
— Так бывает. Женская рассеянность.

Я смотрю на мужчину, с которым прожила десять лет. Которому верила. Которого любила. Который смотрел на меня с невероятной нежностью, когда я выходила за него замуж. Говорил: «Договор, прежде всего, твоя гарантия. Я хочу, чтобы ты была защищена».

Он готовился к этому разводу. Пока я летала по миру, открывала салоны, зарабатывала репутацию, он тихо, методично, с помощью хороших юристов, переписывал нашу жизнь. Мою жизнь!

Больше мне говорить с ним не о чем, да и о чём? Что он оказался хитрее? Так я не думала, что столкнусь с изменой. Единое целое? Верила и доверяла ему, как себе, наивная идиотка! Две половинки, одна из которых оказалась гнилой. Устроить истерику, кричать, заехать по самодовольной роже? Дать лишний повод ему позлорадствовать?

Ни-За-Что!

Выхожу из спальни. Спускаюсь вниз, иду на кухню. Сажусь за стол, смотрю в окно. У ворот стоит его машина. Алина сидит на пассажирском сиденье, смотрит в телефон. Ждёт ходячий билет в светлое будущее.

Набираю номер своего адвоката. Аркадий Борисович отвечает после второго гудка.

— Полина Сергеевна, я получил ваше сообщение. Что случилось?

— Аркадий Борисович. Мне нужна ваша помощь. Я развожусь.

Молчание на пару секунд. Потом:

— Рассказывайте...—Спокойным, профессиональным голосом.

Я рассказываю. Всё. Как приехала, что увидела, что сказал Олег про договор. Говорю ровно, без эмоций, как на деловой встрече. Аркадий Борисович слушает, не перебивает.

— Полина Сергеевна, — произносит, когда я заканчиваю.
— Ваш экземпляр договора у вас?

— Я не могу его найти.

— Вы искали везде?

— В сейфе нет. В кабинете нет. В офисе посмотрю позже.

— Ищите. Без него нам будет сложно.

— Я понимаю.

Сбрасываю вызов. Сижу, смотрю на руки. Впервые за десять лет я не знаю, что делать. Я привыкла побеждать. Я при-

выкла, что всё идёт по плану. А сейчас даже не знаю, каков мой новый план.

Через час приходит сообщение от Аркадия Борисовича.

«Полина Сергеевна. Я связался с юристами Олега Игоревича. В их экземпляре действительно нет пункта о неверности. Три клиники выведены. Ваши салоны — в совместном владении. Они готовы к переговорам».

Я перечитываю сообщение три раза. Потом четвёртый.

Мои руки не дрожат. Мои губы не дрожат. Хотя чувствую только одно: холод. И под этим холодом — что-то твёрдое, острое, готовое резать.

Набираю номер личной ассистентки.

— Вика, — говорю я, — найди мне информацию! Недовольные пациенты клиник Олега. Жалобы, иски, всё, что может его скомпрометировать. Всё, что найдёшь, пусть лежит у меня на столе сегодня вечером.

— Полина Сергеевна, — Вика колеблется. — Вы уверены? Может, сначала...

— Вика, — перебиваю я. — Никаких «может»! Примирения не будет. Меня обокрали. Обманули. Выставили дурой перед сопливой девчонкой. Я уверена.

— Хорошо. Всё сделаю.

Я сбрасываю вызов. Смотрю в окно. Олег вышел из дома, садится в машину. Они уезжают. Вместе. В моей машине. Потому что его машина стоит в гараже, и ключи у меня.

Смотрю на удаляющийся автомобиль и думаю о том, что

десять лет я строила иллюзию. Идеальную пару. Идеальный бизнес. Идеальную жизнь. А теперь эта иллюзия рушится, и под ней оказывается не фундамент, а пустота.

Сжимаю телефон в руке. Смотрю на своё отражение в тёмном окне. Красивая, стройная, с идеальной укладкой и идеальным макияжем. Женщина, узнавшая, что её жизнь — фальшивка.

— Ну что, Полина... — говорю я себе. — Ты хотела быть идеальной? Теперь у тебя есть шанс доказать, что идеальная женщина умеет не только побеждать, но и мстить!

Встаю из-за стола. Иду в гардеробную. Выбираю костюм. Чёрный, брючный, строгий. Туфли на шпильке. Волосы собираю в пучок, ни одного выбившегося локона. Макияж — спокойный, деловой, но с акцентом на глаза. Чтобы смотрели в упор и не отводили взгляд.

Гляжу на себя в зеркало. Вспоминаю, как десять лет назад в этом же доме я стояла в белом платье, и Олег застёгивал мне браслет. «Ты самая красивая, — восхищался он тогда. — Самая умная. Самая лучшая. Хочу, чтобы ты всегда была со мной».

Поправляю воротник. Вглядываюсь в свои глаза.

— Ты была с ним, — говорю я. — А он был с твоими деньгами. Теперь ты это знаешь и будешь действовать.

Беру сумку, ключи, телефон. Выхожу из дома, закрываю дверь. У ворот уже стоит такси, которое я вызвала, пока собиралась. Садиться за руль в моём состоянии опасно.

— В центр, — обращаюсь к водителю. — На Тверскую.

Машина трогается. Я смотрю на дом в зеркало заднего вида. Наш дом, купленный мной после гибели родителей. Мой газон. Моя жизнь, которую у меня украли.

Гляжу вперёд.

— Ты проиграла первый раунд, Полина, — шепчу себе. — Но игра только началась. И ты знаешь, как играть на любом поле. Ты сама учила этому своих девочек.

Достаю телефон. Смотрю на сообщение от адвоката. Перечитываю его ещё раз. Потом пишу ответ:

«Аркадий Борисович, готовьте иск. Мы не будем договариваться. Мы будем уничтожать».

Отправляю. Убираю смартфон в сумку. Смотрю в окно на Москву, которая просыпается, шумит, живёт своей жизнью. Город, который я старательно завоёвываю, и где мне было очень уютно жить рядом с любимым человеком. Закусываю губу, чтобы не разреветься. Самой себе не наврёшь. Я люблю его до сих пор. И от этого обиднее в сотню раз. Я люблю, а он использует меня с прицелом на будущее.

Глава 5

Офис встречает меня тишиной. Мои девочки ещё не пришли, только Вика сидит в приёмной, перебирает бумаги, смотрит в монитор. Увидев меня, она встаёт, в больших глазах вопрос, который не решается задать.

— Кофе, — говорю, проходя в кабинет. — И садитесь.

Опускаюсь в кресло, смотрю на стопку документов, которые ждали меня ещё вчера. Отчёты, планы, новые проекты. Всё это казалось важным. Теперь — пустота.

Вика заходит с двумя чашками, ставит одну передо мной, садится напротив. Она молчит, ждёт. Умная девочка. Знает, что я начну сама.

Я рассказываю всё. Без купюр. Как зашла в спальню. Как Алина лежала в моей постели. Как Олег вышел из душа. Как они смотрели на меня. Как я нашла договор. Или, точнее, как я его не нашла.

Вика бледнеет. Я вижу, как она сжимает ручку, как её пальцы белеют.

— Полина Сергеевна, — говорит она тихо. — Мне очень жаль.

— Жалеть будете потом, — отвечаю, и мой голос звучит жёстче, чем хотелось бы. — Сейчас нужно работать.

Она кивает, выпрямляется. Профессионал. Я не ошиблась, когда взяла её три года назад.

— Что нужно сделать в первую очередь? — спрашивает она.

— Как я уже говорила — главное компромат. На его клиники. Жалобы пациентов, неудачные операции, что угодно. Всё, что может навредить репутации.

Вика кивает, быстро записывает.

— Нужно найти людей, недовольных лечением. Тех, кто не получил результат. Тех, кто платил, а остался с проблемой.

— Я поняла.

Делаю глоток кофе. Горький, обжигающий. Такой, какой я люблю.

— И ещё... — говорю, ставя чашку на стол. — Инвестор Олега. В прошлом месяце он упомянул, что нашёл партнёра для расширения сети. Я хочу знать, кто это.

— Вы думаете, он может быть на нашей стороне?

Я смотрю на Вику. В её молодое, энергичное лицо. Она ещё верит, что в этом мире есть стороны, что кто-то может быть на твоей стороне просто потому, что это правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.